

ХОД ДО ЦУГЦВАНГА

ознакомительный фрагмент

ПРОЛОГ

13 апреля 2020-го года

Шахматная доска расплывалась перед глазами, и ладья противника сливалась с его ферзем. За окном лил дождь. Проклятый аргентинский климат: зима в привычное нам лето и температура не выше десяти градусов мешали мне жить. Но с подводной лодки деваться было некуда: передо мной только противник, нажимавший на шахматные часы после каждого сделанного хода.

Мы уже разыграли защиту Грюнфельда и подобрались к миттельшпилю.

Фигуры казались чужими — я прикасался к ним, но не чувствовал отдачи. Сдвинув коня на с6, я нажал на таймер и закрыл глаза. На лбу выступила испарина от нервного напряжения, и пальцы сводило мелкой судорогой. Казалось, еще чуть-чуть — и у меня остановится сердце. Оппонент сидел с таким каменным лицом, словно наша партия для него ничего не стоила.

Я себе не принадлежал больше — страх когтями сжал мне горло. Дышать становилось нечем.

Пока противник думал над своим ходом, я мельком оглянулся. Вокруг — толпа любопытных зрителей, затаивших дыхание в ожидании следующего хода. У меня больше не было той пресловутой фортуны, которой я мог воспользоваться раньше: сейчас оставалось рассчитывать только на собственный разум. Но и тот затуманился усталостью.

Я понимал, что уже проиграл, но все равно сражался.

Ход противника белым ферзем на g7 стал детонатором для начала молчаливой паники: мне захотелось все закончить сейчас. Он почти объявил мне гарде — напал на ферзя. Надо было собраться, но высчитывать удачные ходы я не мог. Фигуры отталкивали меня, словно я в чем-то перед ними провинился.

Я запечатал ход на листе.

— I want to postpone the game¹, — решительно сказал я, подняв взгляд на подошедшего судью.

Мужчина забрал листок с записанным ходом и на чистом английском объявил, что партия откладывается до завтрашнего дня. Мне хотелось поскорее выйти на воздух, поэтому я выскочил из турнирного зала в числе первых.

¹ англ. «я хочу отложить партию».

Я себя не чувствовал. Все тело было не моим: атмосфера поражения и страха плотно заковала меня в кандалы. В зале словно играл кто-то другой, а не я. Мой мерзкий двойник, присутствие которого хотелось выжечь чистым пламенем. За мной наверняка ринулась команда, но говорить с ними мне не хотелось. Сначала — воздух, потом — все остальное.

Распахнув тяжелую металлическую дверь, я сделал шаг и сразу попал под дождь. Проклятый Буэнос-Айрес! Даже в Петербурге таких ливней почти нет.

— Рудольф, что происходит?

Меня за локоть схватил тренер. Александр Иванович смотрел пронзительными серыми глазами. Добрейшей души человеком он был, и даже сейчас, несмотря на миллион неоправданных ожиданий, пытался меня не осуждать.

Но поздно — я сам себе вынес приговор, когда смирился с грядущим поражением. Биться сил уже не было. И перерыв до завтра вряд ли вернул бы мне прежнюю форму.

— Цугцванг, — прошептал я, подняв лицо к небу. — Любой ход ведет к поражению.

Горизонт был пасмурным, под стать настроению. Холодные жесткие капли болезненно били по щекам, даря живительную прохладу. То ли в зале было слишком душно, то ли я просто перенервничал, и теперь меня бросало в жар.

— С ума сошел? Решающая партия. Если ты ее сольешь — мы поедem домой в Петербург. И тогда не видать тебе ни турнира претендентов, ни звания гроссмейстера...

— Не вижу доски. Я не могу думать, фигуры плывут, — с отчаянием в голосе прошептал я. — Они все неживые...

Александр Иванович вздохнул. Тренер выглядел посуровевшим и разочарованным. Я сам себя ненавидел за то, что происходило: важнейшая партия в моей жизни и дальнейшая карьера шахматиста летели на разбитой колеснице в пропасть.

— Соберись, тебе восемнадцать лет. Ты уже не маленький, чтобы носиться с тобой, как с тринадцатилетним подростком! Рудольф, мы все в тебя верим. Твой отец тоже.

Напоминание о папе вызвали волну душащей паники. Горло неприятно сдавило, и я нервно прокашлялся. Но тут же закивал — конечно, я ни на секунду не забывал о бдительном отцовском контроле.

— Выложусь на полную, — пообещал я.

И сам себе не поверил. В завтрашней партии я проиграл.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: КОРОЛЕВСКИЙ ГАМБИТ²

Глава 1

Осень 2016 года

В школьном медицинском кабинете воняло лекарствами. Грузная медсестра сидела напротив меня и спешно заполняла медицинскую карту. Из носа у меня торчал ватный тампон, останавливающий кровь, а сам я расселся на высокой белой кушетке и болтал ногами. На стенах висели разноцветные медицинские плакаты, и я в растерянности скользил по ним взглядом.

Сегодня я потерял сознание прямо на уроке биологии, а после этого у меня пошла из носа кровь. Испуганная медсестра грозилась вызвать скорую, но я убедил ее сначала позвонить отцу: врачам из медицинской бригады тот бы точно не обрадовался. Кровь уже почти остановилась, но голова все равно слегка кружилась, а еще меня ужасно клонило в сон.

— Ну что ты, молодец, не весел?

Медсестра посмотрела на меня, и ее взгляд тут же потеплел. Скромно уставившись на свои школьные кожаные туфли, я только нервно дернул плечами и промолчал.

— И часто сознание теряешь? — любопытствовала она, вертя в толстых пальцах ручку. — А кровь из носа с какой периодичностью идет?

— Раз в неделю... — еле слышно пробормотал я. — Иногда чаще, иногда реже... Короче, когда как.

Медсестра крикнула и неодобрительно покачала головой. Стул под ней, будто готовый сломаться, противно скрипнул ножками. Женщина, застегнув верхнюю пуговицу застиранного халата, приблизилась ко мне. Сначала она светила мне в глаза фонариком, а потом сунула под мышку градусник. Температура была, по ее словам, субфебрильная — тридцать семь и три.

— Много за уроками сидишь? — предположила она. — Видать, переутомление. Вот учителя, вообще вас не жалеют! Казалось бы, только восьмой класс!

— У меня много дополнительных... — признался я, пряча взгляд, а потом начал загибать пальцы. — Танцы, плавание, шахматы, английский, китайский...

² Королевский гамбит — шахматный дебют, который считается одним из самых острых в начале шахматной партии. Гамбит в целом предполагает жертву фигуры — чаще всего, жертвуют одну из пешек, чтобы занять выгодные позиции в центре

— Сколько всего! — ахнула медсестра, всплеснув руками. — А когда же ты отдыхаешь?

— Иногда по воскресеньям, когда у меня нет танцев. — Я устало закрыл глаза, откинувшись спиной на блеклую штукатурку.

Медсестра, неодобрительно покачав головой, вернулась к заполнению медицинской карты. Слышалось только тиканье часов и поскрипывание ручки. Потихоньку я начал проваливаться в липкую дремоту. Проснувшись в пять сорок утра, я не успел даже позавтракать перед дополнительными по китайскому.

По всему городу меня возил отцовский водитель, поэтому дремать я мог хотя бы в машине. Неглубокий отрывистый сон по чуть-чуть восстанавливал силы, которые тут же тратились на школу или очередную секцию.

— Твой отец должен скоро приехать.

По спине заскользил навязчивый холодок, и сон сразу прошел. Светлые волоски на руках под рубашкой встали дыбом. Я выпрямился, плечи мои распрямились, будто я желал расправить несуществующие крылья, но на деле — хотелось съежиться и забраться под лавку.

Отцовские шаги в коридоре я узнал сразу же. Мои ладошки вмиг вспотели, губы пересохли, и мне пришлось их нервно облизать.

— Что случилось?! — с ходу спросил папа, распахнув дверь.

Он вперился хищным взглядом в медсестру, а та поежилась — я видел, как она еле заметно дернулась в кресле.

— Рудольф упал в обморок на уроке биологии, — начала она спешно. — А потом у него пошла из носа кровь. И знаете, Всеволод Андреевич, не удивительно! У него столько дополнительных занятий! У вашего сына страшное переутомление...

Папа мельком посмотрел на меня, а я, опустив неловко взгляд, захотел исчезнуть. Отец медленно приблизился, и его цепкие пальцы приподняли мое лицо за подбородок. Холодный взгляд серых глаз изучил мою наверняка побледневшую физиономию, а потом отец быстро, словно от отвращения, отдернул руку и вытер ее о пиджак. Моя голова безвольно мотнулась в сторону и опять поникла.

— Бестолочь, — процедил он.

— Рудольф, выйди, пожалуйста. Нам нужно поговорить с твоим отцом.

Еле сдерживая улыбку, я спрыгнул с кушетки, чуть покачнувшись от вновь помутневшего сознания, и вылетел из кабинета вон. Коридор пустовал, все ученики

сидели по кабинетам или уже разошлись домой — я не уследил за временем. Мне было слишком интересно, о чем говорили в кабинете, поэтому я прижался ухом к щелке между косяком и дверью.

— Всеволод Андреевич, — мягко произнесла медсестра, — понимаете, подростку в четырнадцать лет нужно отдыхать больше. У него еще слабый организм, и такое количество занятий ведет к нервному истощению и упадку сил. Все признаки очевидны!

Лица папы видно не было, но я представлял, как оно скривилось от этих слов.

— И что вы предлагаете?

— Во-первых, сократить число секций. Одной было бы вполне достаточно с учетом того, что в нашем лицее усложненная программа. А во-вторых, сейчас бы я предложила санаторий.

— Какой еще санаторий?! Разгар учебного года...

— Я дам вам визитку... Да где же она? А, вот! Отличный пансионат, свежий воздух, прекрасные врачи. Недельки на три! Мальчику надо восстановить силы, вы же не хотите последствий...

— Естественно, не хочу, — отчеканил отец.

— Вы уж, пожалуйста, прислушайтесь. Иначе мне придется сообщить директору и в районную поликлинику... А там могут начать разбирательство...

— Давайте сюда визитку.

Поняв, что их разговор подходит к концу, я попятился. Не хватало только, чтоб меня застукали за подслушиванием. Отец еще порог кабинета не переступил, а я уже понял, что он искрами излучал ярость.

Его взгляд скользнул по мне, и одним кивком головы папа велел мне следовать за ним. С покорностью я двинулся к выходу из школы, а ноги меня еле несли — такими слабыми и ватными они внезапно оказались.

Он молча шел до машины, и эта тишина не предвещала теплого разговора по душам.

— Ты можешь шевелиться? — с раздражением обернулся отец, и я засеменил за ним быстрее.

Его темно-синий мерседес был припаркован у самых школьных ворот. Как отец собирался вести машину в таком состоянии, я не знал: у него подрагивали руки, а на скулах играли желваки. Едва я забрался в автомобиль, мне захотелось слиться с сиденьем.

Отец курил на улице. Сигарета быстро тлела, а папины затяжки были поспешными и нервными.

Наконец он сел за руль, и его пальцы крепко сжали кожаную оплетку.

— Ты должен был позвонить сразу мне!

— Я упал в обморок... Я и так попросил...

— Скажи на милость, почему ты не остался дома, если было плохо?!

Я замялся, судорожно пытаюсь пристегнуть ремень безопасности, но пряжка никак не хотела попадать в защелку. Вырвав у меня из рук ремень и что-то зашипев себе под нос, отец пристегнул меня сам.

— Санаторий ему... Поедешь теперь развлекаться! — выплюнул он. — С нагрузками он не справляется... Тоже мне... Щенок!

Он завел машину, и двигатель начал рычать разогреваясь. Отец продолжал бормотать, но я немного расслабился: если до сих пор не ударил, значит, опасность миновала. Одна только перспектива провести несколько недель в отдалении от дома заставила меня улыбнуться.

Но я все еще не был уверен, что отец в действительности позволит мне уехать: обычно столь резко принятые решения никогда не доходили до их исполнения. Папа мог сейчас пообещать мне что угодно, а на деле оставить все висеть в воздухе. Но я все равно продолжал надеяться.

— Еще и на секции ходить ленится! Если бы у меня было столько возможностей, сколько у тебя...

Я не ответил, молча смотря перед собой, и даже не заметил, как у меня из носа опять пошла кровь. Тягучие капли упали на белую рубашку, и только тогда я опомнился, резко зажимая пальцами нос.

Отец покосился на меня. Из бардачка между нашими сиденьями он одной рукой вытащил салфетки, пока мы остановились у светофора на перекрестке. Папа сам приложил мне салфетку к носу, надеясь унять кровотечение, но тонкая бумага быстро напиталась алым, и я перехватил ее пальцами.

На рубашку все равно попали пятна крови.

— Я не хотел ее портить... — прошептал я, вздохнув.

— Ира стирает, — устало вздохнул отец.

Моя голова сама собой привалилась к стеклу, потяжелев, и я провалился в тревожную липкую дремоту. До дома было ехать далеко — мы жили за городом, а мой лицей находился почти в самом центре Петербурга.

Я проснулся, когда мы заезжали в ворота. Папа открыл их с брелока и кивнул охране, тут же высунувшейся со своего поста. Он не стал парковать мерседес в гараж, а довез меня до входной двери, откуда выскочила горничная.

— Ира проводит тебя в комнату, — сухо бросил отец. — Я отъеду по работе. На секции позвоню и предупрежу, что тебя не будет. Поспи, Рудольф. Надеюсь, к ужину ты придешь в норму.

Я поспешно кивнул и вылез из машины. Мы никогда не прощались.

Горничная — моя бывшая няня — тут же приветливо раскинула руки в сторону, призывая меня к объятиям. И я, подбежав, мгновенно уткнулся Ире в плечо, не обратив внимания на то, что испачкал ей платье кровоточащим носом.

Наш дом больше напоминал музей или картинную галерею. Отец настоял, чтобы все было в мраморе: лестница, полы и даже подоконники. Когда я бегал по особняку босиком, у меня всегда замерзали ноги. В центре висела качественная репродукция «Апофеоза войны» Верещагина, рядом — «Последний день Помпеи» Брюллова. Каждый раз, когда я проходил мимо них, мне становилось не по себе.

Возвращаясь домой, я ощущал себя бесприютным и неприкаянным, будто никак не мог найти себе места. И стены, и позолоченные перила, и мраморные подоконники казались невыразительными и безжизненными.

Моя спальня находилась на втором этаже рядом с отцовской. Наши комнаты отделяла только ванная, где я отмокал почти каждый день. Вода снимала напряжение. Сейчас тоже хотелось нырнуть: хоть в бассейн, находившийся в цоколе, хоть в джакузи — куда угодно, лишь бы смыть с себя сегодняшний день. Но Ира довела меня до спальни и дождалась, пока я сниму рубашку.

«Наверное, хочет застирать кровь», — решил я и протянул ей заляпанную красным одеждоу.

— Поспи, — ласково сказала горничная, когда я снял школьные брюки и забрался в кровать.

Ее рука ласково подоткнула мне одеяло. Иногда я мечтал о такой матери, как она, — заботливой, светлой, с искрящимся взглядом добрых карих глаз. Но для меня это были

лишь непозволительно роскошные грезы: родную мать я не знал, а Ира — просто няня, хорошо исполнявшая свою работу.

В жизни моей присутствовал только отец, который хотел дать мне все.

— Хорошо, — согласился я. — Во сколько он вернется?

— К семи.

Время его возвращения не менялось из года в год. По приходу домой отец всегда делал одно и то же: разваливался в кресле; наливал бокал виски, закинув в него специальные охлажденные камни. Иногда он доставал сигару. Отцовский распорядок не менялся, оставаясь таким же предсказуемым, как и дожди в июльском Петербурге.

Но сейчас невыносимо было думать о папе и его возвращении, поэтому я провалился в беспокойный сон. И мерещились мне шахматы, которые своими огромными фигурами хотели придавить совсем крошечного меня. Вместо короля стоял отец и руководил движением пешек. Сквозь сон я понимал, что все происходящее нереально, но от ужаса ноги мои дергались, сведенные легкой судорогой.

Я уже почти проснулся, когда услышал, что дверь в комнату тихонько хлопнула.

— Просыпайся, — раздался голос Иры над моим ухом. — Отец хочет тебя видеть. Он в гостиной.

Сквозь остатки сна я вяло кивнул, пытаюсь проснуться окончательно. Я бы с удовольствием лег спать до самого утра снова, чтобы отдохнуть еще часов двенадцать. Но нужно было идти, пока я не заставил отца слишком долго ждать.

— Ну как ты? — поинтересовался он, как только я перешагнул порог гостиной.

Босыми ногами я шлепал по холодному мрамору. Отец же всегда ходил в тапках, и сейчас он сидел обутый, закинув ногу на ногу. Его длинные пальцы сжимали хрустальный бокал с щедро налитым в него виски.

— Лучше. — Я постарался не дрогнуть голосом. — Голова почти не кружится.

— В общем, поедешь ты в санаторий. Я купил путевку, — вздохнул он.

Я подавил улыбку и посильнее укутался в темный махровый халат. Взгляд отца смягчился, и он мелким, еле заметным кивком головы указал на диван. Я сел, забравшись на него с ногами.

— Когда?

— Через три дня. До этого оформим тебе больничный, чтоб медсестра твою безжизненную физиономию не видела.

— Спасибо, папа, — вежливо поблагодарил я.

— Ира соберет вещи, а ты не забудь взять книжки хотя бы по английскому. Самостоятельно позанимаешься...

Казалось, он сказал все, что хотел, но я почувствовал незавершенность, поэтому молча сидел, не посмев сбежать сразу к себе в комнату. После пары глотков виски отец уже расслабился, но вон то еле заметное пятно на декоративной штукатурке прямо напротив моих глаз напоминало, что недопитый увесистый бокал может с отцовской подачи врезаться в стену.

— И насчет секций, — наконец произнес он. — Чем бы ты хотел продолжить заниматься?

— Шахматы! — с запалом выдал я, но потом стушевался. — У меня первый спортивный разряд... Я бы... Я бы хотел продолжать...

«Какой же дурак!» — раздраженно выругался я про себя, жутко разозлившись за неумение держать язык за зубами. Если вдруг отец решит меня наказать, то заберет шахматы. Мгновенно меня задушил испуг — я не мог лишиться игры. Чего угодно, но только не ее.

— Посмотрим на твоё поведение, конечно, — благодушно кивнул отец, взболтав виски в бокале, — но тренер говорит, что у тебя талант.

Я облегченно выдохнул: он не отказал сразу, а значит, у меня оставалась надежда.

Глава 2

Отец выбрал лучший санаторий, и страшно представить было, сколько стоила путевка, включавшая в себя и массажи, и бассейн, и целый комплекс оздоровительных занятий по лечебной физкультуре. Но я не повелся на такую попытку купить меня и, оставаясь настороже, собирал вещи в просторный пластиковый чемодан. Рядом кружилась Ира, упаковывая принадлежности для душа.

— Без тебя здесь будет одиноко, — с улыбкой сказала она, растрепав мои волосы.
— На сколько ты уезжаешь?

— Отец купил программу на две недели.

Отчалить в путь предстояло завтра. Отцовский водитель должен был отвезти меня в пункт назначения и помочь оформить документы — отец написал на него доверенность. Сам он не мог пропустить важное совещание совета директоров. Но я даже радовался возможности поехать без отца: водитель мне разрешал слушать музыку через аудиосистему и сидеть на переднем сиденье.

Мы с Ирой и не заметили, как за сборами стемнело. Но чемодан, наконец готовый, стоял у двери. Выезд из дома планировался в пять утра, и, чтобы избежать неприятных сюрпризов, я решил все дела закончить вечером.

— Все собрал? — отец привалился плечом к косяку двери.

Подняв голову, я быстро кивнул, чуть заметно улыбнувшись:

— Остались только документы...

— О них не думай, я уже отдал их водителю. Послушай, Рудольф, веди себя там прилично. Не опозорься только...

Хотелось сказать: «Ну что ты, папочка, род Грозовских останется не посрамленным». А вырвалось:

— Конечно, отец. Не переживай, я не подведу.

Правда, на утро он не вышел меня провожать, мы скупно попрощались тем же вечером. Водитель закинул мой собранный чемодан в багажник, а я с удовольствием разместился на переднем сиденье. И пусть в пять утра еще стояла темень, мне все равно нравилось наблюдать за синеющими вдалеке макушками деревьев.

Мы проезжали мимо похожих друг на друга поселков и одинаковых лесополос. По плану я должен был задремать, но сон от предвкушения не шел.

Впервые я вырвался куда-то в одиночестве, без отцовского или Ириного надзора. Правда, с собой мне дали только кнопочный телефон, чтобы я не отвлекался от прохождения оздоровительной программы, а на ноутбуке ужесточили режим родительского контроля.

Плевать.

Я думал только о том, что эти две недели буду свободно дышать, не боясь сделать неосторожное движение. Призрачная воля манила меня с каждым оставленным позади километром все сильнее. Никого вокруг: я один, и только лес должен был составить мне компанию.

Мы подъезжали, когда мой телефон оповестил о новом сообщении. Конечно, от отца. Вряд ли кто-то еще мог мне написать.

«Я положил тебе в чемодан шахматы. Через две недели, сразу после твоего возвращения, состоится турнир. Тренер тебя уже записал. Если выиграешь — продолжишь заниматься. Все в твоих руках».

Я ненавидел фразу «все в твоих руках» — настолько она лживо звучала! У меня не было даже власти над собственными желаниями и мечтами: все они с детства вкладывались в мою голову отцом. И только шахматы я любил по-настоящему, поэтому не мог позволить отцу забрать их у меня.

Я должен был постараться. Об отдыхе теперь и речи не шло, поэтому я раздраженно сунул телефон в карман и стукнул кулаком по бардачку. Тот распахнулся, и все инструкции, распечатанная страховка и папки посыпались мне под ноги.

— Что-то случилось? — негромко спросил водитель, пока я пытался запихнуть все на место, но папки не влезали.

— Нет... Нет, не случилось. Не обращай внимания.

— Брось ты их! — Он кивнул на папки, прекращая мои мучения. — Я потом сам сложу. Мы почти приехали.

Водитель остановился на территории санатория, подъехав почти к самому крыльцу. Пока проходила регистрация, я постоянно озирался по сторонам. Современный ремонт, в котором превалировали светлые тона, внушал внутренний оптимизм, а мягкие кресла возле стойки регистратуры манили своим уютом. Хотелось поскорее попасть в номер и принять душ после дороги, а потом засесть за шахматную доску.

Но не тут-то было! Стоило только оформить все документы, как меня сначала отправили к врачу, потом на массаж, затем в бассейн. В номер я успел только вещи

закинуть. Весь день прошел незаметно и так быстро, что я ни разу не успел посмотреть на часы. Я вернулся к себе только вечером и сразу же рухнул в кровать.

Впервые я засыпал спокойно, жалея, что путевка всего лишь на две недели. Стоило просить сразу месяц, но теперь оставалось только довольствоваться малым. Уже почти провалившись в сон, я подумал, что разыграть королевский гамбит в решающей партии турнира было бы неплохим решением.

Две недели я пил кислородные коктейли, массажист разминал мою затекшую от постоянного сидения спину, а консультации с детским психологом помогли мне прийти в условную норму. Я и правда отдохнул: несмотря на то, что сидеть на месте времени не было, я все равно чувствовал себя расслабленно. Носовые кровотечения меня больше не беспокоили, голова не болела, и потери сознания ни разу не приключились.

Свободное время, коего было немного, я проводил за шахматной доской, пообещав себе, что предстоящий турнир обязательно выиграю. По соседству с магнитными шахматами я уплетал фасолевый суп на обед; белую рыбу — на ужин; двигал коня на f6, пока запихивал в рот остатки слоеной булочки с сахаром.

Сон ко мне приходил, только когда под подушкой лежала доска. Она была совсем маленькой, но зато я мог таскать ее с собой в широком кармане толстовки. Мои пальцы плохо удерживали столь крохотные фигурки, они постоянно выскальзывали, но другой доски в моем арсенале не было. Я предпочитал играть за столом побольше — с резными фигурами с фетровым основанием и полем из красного дерева. Но неудобства в виде маленькой доски мне не мешали — я все равно представлял, как буду блистать на турнире.

Мы ехали на машине обратно. Меня забирали тот же водитель, что и отвозил в санаторий. На этот раз я уселся на заднем сиденье, а рядом разложил шахматную доску. Водитель старался ехать аккуратно, видя, что я увлечен игрой.

— Получается? — усмехнулся он.

— Надеюсь, — со вздохом ответил я, отвлекшись. — Я много тренируюсь и читаю шахматной литературы. У меня есть разряд. Если я выиграю предстоящий турнир, то по рейтингу есть шанс стать кандидатом в мастера спорта.

— Ты, гляжу, умный парень.

— Моя учительница по русскому считает иначе. Да и отец тоже. Мне больше история нравится, войны там всякие учить, про полководцев читать... Вот вы знали, что

Александр Македонский даже в честь своего любимого коня город назвал³? Или что за все свои битвы он не потерпел ни одного поражения?

Водитель вскинул брови, когда я в азарте высунулся между двумя сиденьями, отодвинув доску.

— Все-таки умный парень...

Я смущенно поджал губы, но не соврал: меня вечно ругал учитель, преподающий русский и литературу. Историчка тоже не жаловала: я учил выборочно то, что хотел. Но зато всегда хвалил математик: я с легкостью считал тригонометрические уравнения, несмотря на то, что по программе мы до этого еще не добрались.

«С такими познаниями в алгебре можно и Всероссийскую олимпиаду выиграть...» — говорил он, но я не слушал. Меня интересовали шахматы, а не дурацкие бездушные примеры.

Фигуры, в отличие от них, были живыми. Они двигались по доске, направляемые моей рукой, участвовали в настоящих битвах, а я в свои четырнадцать чувствовал себя полководцем, прямо как Александр Македонский. Мне подчинялись пешки, слоны, кони, ладьи... Иногда я сравнивал себя с фигурами и думал, что точно был бы ладьей: она ходит исключительно по прямой, как я. Никаких диагоналей и прыжков. Только прямо.

Машина остановилась у крыльца нашего особняка. Возвращаться в родной дом не хотелось. Я бы с радостью провел еще недельку-другую в санатории, но выбора не было. Скинув фигуры с доски, я поспешно сунул ее в карман.

К завтрашнему старту турнира я был готов.

— Удачи, Рудольф! — искренне произнес водитель. — Все у тебя получится. Главное, в себе не сомневайся.

Я улыбнулся. Такие слова тепло отозвались внутри: меня редко кто-то поддерживал. А здесь совсем не близкий человек желал удачи. Теперь надо было не подвести еще и его.

— Вы правда в меня верите?

— Давно я за тобой наблюдаю, поэтому да, верю. Порви завтра всех. Обещаешь?

— Обещаю! — радостно воскликнул я и выпрыгнул из машины.

Предстоящая неделя должна стать решающей — или я окончательно проиграю, или пешка превратится в ферзя, дойдя до края шахматной доски.

³ Речь идет о Букефалии, античном городе, основанном Александром Македонским в память о его любимом коне Буцефале. Ныне это город Джалалпур.

Турнир давался мне на удивление легко. Он проходил в несколько этапов, и первых противников я будто даже и не заметил — они оказались слабее и младше. Но цель оправдывала средства — главным было выиграть, поэтому меня не волновали ни возраст, ни шахматные способности оппонента. Я пожимал руки, благодарил за партии, а потом расставлял любимые фигуры на доске до миллиметра ровно, чтобы ни одна пешечка не выступала за свою клетку.

Помимо школы, я без устали сидел за шахматной доской. Финал предстояло сыграть с сильным противником, и второе место в этой партии меня бы не устроило.

Как всегда, меня провожала Ира. Она внушала мне чувство непередаваемого спокойствия: своими вкусными сырниками по утрам, теплыми объятиями напоследок, подsunутой в карман шоколадкой «на всякий случай». Отец собирался лично сопроводить меня на турнир, и это стало не самой хорошей новостью — я не хотел, чтобы он смотрел.

Играть на его глазах значило взвалить на свои плечи еще большую ответственность, а я не был уверен, что вывезу даже имеющуюся.

Ира обнимала меня в дверях.

— Я верю, что ты вернешься чемпионом города и кандидатом в мастера спорта, — с улыбкой произнесла она.

Я доверчиво уткнулся ей в плечо, а она ласково потрепала меня по волосам.

— Спасибо, — прошептал я. — Надеюсь, так и будет.

Я хотел сказать, что люблю ее, но дверь распахнулась, и на пороге возник отец. Он обещал ждать меня в машине, но, видимо, устал там сидеть.

— Развели тут нежности, — протянул он, но звучало это совсем беззлобно.

Папа на удивление находился в дивно хорошем расположении духа. Когда я юркнул между ним и Ирой в открытую дверь, он придержал меня за запястье и слабо приобнял. Безжизненно постояв несколько секунд, я аккуратно выпутался и попытался вымученно улыбнуться — больше получилась взволнованная гримаса.

Я мечтал играть белыми, потому розыгрыш королевского гамбита по-прежнему манил: мне так и не удалось его реализовать. С черными фигурами было бы сложнее — я не питал уверенности, что смогу навязать противнику свою игру. Но на жеребьевку никто не мог повлиять, поэтому, разложив магнитную шахматную доску на заднем сиденье автомобиля, я двигал фигуры.

Пешка с e2 на e4, черные отвечают пешкой с e7 на e5. Дальше — белая пешка с f2 на f4, и все опять зависит от черных фигур: принимают они королевский гамбит или нет. Если принимают, то я бы разыграл Гамбит слона⁴, как в бессмертной партии играли Андерсен и Кизерицкий⁵...

Склонившись над шахматами, я не заметил, как практически сполз на пол. Мои пальцы сами тянулись к фигурам, а те из-за своего маленького размера постоянно выскальзывали, нарушая динамику игры. Но меня это не сбивало: я знал ходы наизусть и даже смог бы разыграть партию вслух.

Только бы жеребьевка позволила мне сыграть белыми!

— Рудольф, приехали! — рявкнул отец. — Третий раз зову!

Я не услышал первых двух окриков. Спешно сложив все фигурки внутрь доски, я засунул ее в карман, словно талисман. Мне не хотелось играть без них.

Отец шел чуть впереди по прямому коридору шахматного клуба. Я — за ним, чуть отставая, задумчиво разглядывая светлые стены, увешанные фотографиями с турниров. Меня тревожила жеребьевка, но раньше времени отчаиваться не хотелось. Я боялся упустить удачу, которая поддерживала меня на протяжении всего турнира. Ладони вспотели, и я незаметно вытер их о классические брюки.

Пальцы похолодели, стоило мне зайти в зал. Почти сразу ослепила вспышка фотокамеры — работал журналист из местной спортивной газеты. Я удивился их желанию осветить незначительный юношеский чемпионат города по шахматам.

Отца не пустили, и я облегченно выдохнул. Он остался с недовольным лицом за дверью просторного турнирного зала, а меня пригласили пройти внутрь. Мой соперник на вид был моего возраста, только выше и шире в плечах. Комитет, проверив все необходимые документы, провел компьютерную жеребьевку.

— Белыми играет Рудольф Грозовский.

По моей спине прокатилась волна дрожи. Я улыбнулся одним уголком губ, стараясь не показывать излишнего самодовольства.

Мы сели за стол. Судья включил часы, и я, ни минуты не колеблясь, двинул пешку на e4.

К моему удивлению, противник принял гамбит. Он нервно ерзал в кресле, забрав мою жертву в виде пешки на e5. Я тоже был взволнован: партия завязалась серьезная и

⁴ Одно из возможных продолжений Королевского гамбита.

⁵ Бессмертная партия – шахматная партия, сыгранная в 1851 году между А. Андресеном и Л. Кизерицким. Примечательная серьезными жертвами белых для достижения победы.

грозила вот-вот перерасти в ожесточенную. Поскольку я играл белыми, то пытался навязать свою игру: в продолжение королевского гамбита я пошел в наступление слоном, сместив его на c4.

Через несколько ходов, освободив себе линию f, я сделал рокировку. Моя ладья — любимая фигура — сразу начала атаку. Противник действовал грамотно, но на девятом ходу я поставил ему первый шах. Он быстро увел короля на g7, и дальнейшая битва разворачивалась на половине черных. Мы разменивались фигурами: я уже отдал обоих слонов и одного коня, противник же лишился коня и трех пешек.

По спине бежал холодный пот от ужаса и предвкушения, внутри все кипело от предстоящей победы: я чувствовал, как мой оппонент начинал сдавать позиции. Я поставил очередной шах, но он продолжал бегать. Сам противник еще ни разу не попытался атаковать моего короля.

Вокруг меня никого не было: судья, часы, оппонент — все осталось за кадром. Сейчас в моем мире находились только фигуры. Живые. Я видел, как бил копытом конь, готовый вот-вот выйти в атаку на a3; как точил свое оружие ферзь, намеревавшийся поставить грандиозный мат. Ладья красовалась на f1, величественно возвышаясь над остальными фигурами.

Оппонент неудачно пошел конем, и я почти ликовал: такая глупая ошибка позволила мне взять фигуру без малейших потерь. Он разменял еще одну пешку, и буквально через четыре хода я поставил ему сокрушительный мат.

Мы пожали друг другу руки — моя ледяная ладонь стиснула его горячую. Несмотря на проигрыш, противник ослепительно улыбался и без малейшей обиды поздравлял меня с заслуженной победой.

— Отличная партия! — воскликнул он.

— Спасибо за игру, — искренне поблагодарил я, поднимаясь из-за стола.

Судьи готовились к вручению наград, а я стоял посреди просторного шахматного зала, и мне так легко дышалось. В тумане прошла церемония награждения: меня объявили чемпионом, обещали присвоить звание. На шее висела красовалась медаль. Не первая, но самая значимая.

Дорога домой была легкой — я уселся на переднее сиденье, сверкая наградой, а отец расположился рядом. Он еще на крыльце стиснул меня в объятиях, горделиво улыбнувшись, и одобрительно похлопал по плечу.

— Ну, шахматы так шахматы, — подвел он итог нашего уговора. — Заслужил. Надеюсь, и дальше так пойдет. Тренер сказал, что ты достигнешь больших высот.

Он вроде радовался за меня, но в голосе так и читалось — не дай бог тебе, Рудольф, их не достичь.

Глава 3

Я допоздна читал «Гарри Поттера» и с каждой страничкой все больше мечтал перенестись в Хогвартс. Волшебный мир меня так захватил, что я и не уследил, когда стрелки часов перевалили за полночь. Выигранный турнир оставил после себя приятное послевкусие — такое, которое хотелось смаковать на языке, а сам я то и дело поглядывал на новенькую медальку, висевшую рядом с остальными.

Перевернув пятисотую страницу «Кубка огня», я услышал, как скрипнула дверь. Пришлось оторвать взгляд от книжки. В дверях стоял отец, и я дернулся было к ночнику, но уже все равно не успел бы сделать вид, что сплю. Папа, в домашней пижаме выглядевший особенно уютно и безопасно, привалился плечом к косяку двери.

— Моя любимая часть — «Принц-полукровка», — поделился он, проходя внутрь.

Поняв, что меня не будут отчитывать за отсутствие сна, я приободрился и сел на кровати поудобнее.

— Не знал, что тебе такое интересно.

— «Гарри Поттер» попался мне случайно в дороге, — пожал он плечами. — За долгие часы перелета и не такое начнешь читать.

Книжки, которые я читал, и правда не были новыми. В «Узнике Азкабана» порвалось несколько страниц, а на первом листе «Кубка огня» расплывалось уродливое неровное пятно то ли от чая, то ли от кофе.

— Мне она только предстоит, — с улыбкой сказал я. — Думаю, завтра эту часть уже дочитаю.

Отец взглянул на обложку, потом на меня и замолчал. Я тоже не произносил ни слова. Он редко заглядывал ко мне перед сном, а теперь даже присел на край кровати, поправляя одеяло.

— Ты сегодня играл блистательно.

— Ты же не видел партии, — возразил тут же я, — так что не можешь знать.

Папа покачал головой.

— Я звонил Александру Ивановичу. Он мне рассказал. Говорит, у твоего противника не было шансов. Тем более ты играл белыми.

Я смутился, мне показалось, что у меня заалели уши. Отец хвалил меня так же редко, как самостоятельно приходил желать спокойной ночи. Два в одном за сегодняшний вечер заставили нервничать. Рвано кивнув, я все-таки отложил книгу и мимолетно посмотрел на часы. Половина второго ночи. Совсем поздно.

Завтра выходной, но ранний подъем никто не отменял: обычно Ира будила меня около восьми даже в воскресенье, но теперь большинства секций у меня не было.

— Поедем завтра в одно место, — наконец, прервав долгое молчание, произнес отец.

И почему-то при взгляде на него мне показалось, что эта фраза далась папе с трудом. Будто бы он совсем не хотел ехать в то место, куда собирался отвезти меня.

— Куда? — полюбопытствовал я.

— Увидишь. Как проснешься, спускайся в гостиную. Доброй ночи, Рудольф.

Спорить было бессмысленно.

— Хороших снов, папа.

Стоило отцу выйти, как я тут же положил книжку на тумбочку, завернув уголок на пятисотой странице, и погасил ночную лампу. Комната погрузилась во мрак, из-за плотно задернутых штор почти не пробивался лунный свет. Мысли в голове роились быстро, хаотично металась и перебивали друг друга.

И тогда я начал перемножать четырехзначные числа. Прямо в уме. Все лишние раздумья и волнения отсеялись, и через десять минут я крепко спал, зажав между коленками одеяло и скинув подушку на пол.

На удивление, меня никто не разбудил ни в семь, ни в восемь, ни в девять. Солнце сквозь тюлевые занавески слепило глаза: видимо, поутру портьеры кто-то открыл. Я отвернулся к стенке, желая спрятаться от назойливых, ласкающих мои щеки лучей. Откинув теплое одеяло, я перевернулся на чуть влажную от пота простынь и потянулся.

Косточки хрустнули, а я сощурился: докучливые солнечные лучи так и лезли мне в глаза, играя причудливыми зайчиками по стенам.

Босыми ногами я шлепал по теплому полу, выходя из своей комнаты, а когда посмотрел на часы, то оказалось, что почти одиннадцать утра. Сердце заколотилось быстрее: в столовой уже никого не было, Ира давно убрала завтрак со стола.

«Я все пропустил, — промелькнула в голове мысль, пока я тонкими пальцами теребил рукава темно-зеленой пижамы из вискозы. — Отец меня убьет».

— Доброе утро, — услышал я из кресла в углу.

Папа читал газету, закинув ногу на ногу. Он, как всегда, в чистой рубашке, в идеально выглаженных брюках с ровными стрелками на штанинах. На рукаве сверкнула запонка, а галстук удавкой висел на жилистой шее.

— Привет, — растерянно отозвался я.

— Ира накроет тебе на кухне, — он махнул рукой. — Ешь быстро и одевайся. Ты и так сегодня нарушил весь режим.

С облегчением выдохнув, я, ни секунды не медля, ринулся к кухне, что располагалась прямо напротив гостиной. Сквозь горизонтальные жалюзи на окнах и здесь скользило по мебели солнце. Его лучи добирались до Ириных рук, пока она накрывала на стол и раскладывала тканевые салфетки мне под посуду.

Запах свежее испеченных сырников разливался по всей кухне, рядом с большой тарелкой стояли пиалы, наполненные сгущенкой и вишневым вареньем, которое Ира варила сама.

— Сырники? — удивленно спросил я, присаживаясь к столу.

Ира нежно поцеловала меня в макушку.

— Папа разрешил сегодня обойтись без каши, — тихо сказала она, а потом и вовсе перешла на шепот: — он очень гордится твоей вчерашней победой.

Я стащил с тарелки сырник.

— Если даже без каши, то точно гордится, — приснул я и заметил, что Ира тоже весело улыбнулась.

Съев больше половины лакомства с общей тарелки, я почувствовал, что живот забурлил от сытости и удовольствия. Ноги стали тяжелыми, и меня разморило. Кровать так и манила обратно к себе, хотелось снова забраться под одеяло и взять недочитанный в ночи «Кубок огня». Но готовый ехать отец уже стоял в дверях.

— Рудольф, поторопись, — процедил он, барабанив кончиками пальцев по металлическому косяку входной двери.

Взмахнув полами своего пальто, отец удалился, а я ринулся собираться. Он терпеливо ждал меня в машине, и только его пальцы отстукивали незамысловатый ритм по кожаной оплетке руля, выдавая легкую нервность. Я плюхнулся рядом с ним на переднее сиденье, сразу же сделал радио тише и пристегнул ремень безопасности. Отец окинул меня довольным взглядом.

— Быстро ты, — похвалил он. — Молодец.

Поджав губы, я сдержанно кивнул и только сейчас заметил, что случайно натянул футболку задом наперед.

Отец выехал со двора, кивнув бдительной охране на посту. Ворота за нами закрылись, и папа взял курс на город. Машина двигалась неспешно, папа плавно объезжал все ямы, не создавал аварийных ситуаций, а от отсутствия музыки и полной тишины меня снова начало клонить в сон.

— Тренер говорит, что тебе можно попробовать выйти на международный уровень, — внезапно сказал отец. — Хочешь?

Я резко распахнул глаза.

— Я о таком и мечтать не мог! — восторженно выпалил я. — Это же... Да это... невероятно! Конечно!

— В Будапеште скоро будет чемпионат. Дам команду Александру Ивановичу тебя записать.

Сон мгновенно прошел. Первый международный турнир для любого шахматиста значил много: это принципиально другой уровень, новые звания, новые победы и рейтинги...

— А если у меня не получится? — вырвалось у меня случайно. — Вдруг я проиграю?

— Будешь так думать — точно проиграешь, — раздраженно бросил отец. — Соберись и выложись на полную.

«Ладно, — решил я про себя. — Раз Александр Иванович сказал, что я готов, значит — готов».

За всеми сомнениями и раздумьями я не заметил, как отец припарковался у большого частного дома. Пейзажи были мне незнакомыми, раньше мы сюда никогда не приезжали. Отец достал из кармана телефон.

«Мы подъехали», — сказал он коротко и нажал на отбой.

Калитка была глухой, забор — высоченный, из коричневого профлиста. Вокруг стояла тишина и раздавался только лай собак, долетавший до ушей даже с плотно закрытыми окнами в машине. Собак я не то чтобы боялся, но всегда, идя мимо бездомной своры, я испытывал мандраж, а по спине пробегал холодок.

— Выползай, — велел отец.

И я нехотя вышел из машины. Солнце спряталось за тучи, и на город сразу же опустилась прохлада.

— Куда мы приехали?

Отец не успел ответить: калитку нам открыла женщина. Ее лицо было моложавым, но испещрено тонкими морщинками в уголках губ и возле глаз. Есть люди, которые злятся всю свою жизнь, и эта злость отпечатывается у них на лице. Эта женщина точно была из таких, я за пару метров почувствовал ее колкий взгляд. Она, чуть сгорбившись, поманила нас внутрь. Я замешкался, и отец подтолкнул меня в спину.

К калитке выпрыгнул огромный доберман. Испугавшись, я сделал шаг назад, но там стоял отец, и он не дал мне отступить. Хозяйка громко прикрикнула на пса, и он просто обнюхал мои ладони.

— Ты же хотел собаку, — с гордой улыбкой сказал отец. — Вчерашней победой заслужил. Пойдем.

Я удивленно уставился на отца. Казалось, что с доберманом я не слажу, потому что хотелось мне маленького пуделя, который спал бы у меня в ногах. Мне всего четырнадцать, и доберманы меня сильно пугали. На улице я обходил их за несколько метров — а вдруг кинется? Их клыки были по два сантиметра — вполне достаточно, чтобы перегрызть шейку.

— В помете три суки и четыре кобеля, — проскрипела хозяйка, открывая щеколду у небольшого крытого загона. — Все документы готовы, можете забирать сегодня, цену знаете.

Внутри пахло мокрой псиной, но было достаточно чистенько. Я поморщился, проходя внутрь, и зацепился курткой о неудачно торчавший из доски, не до конца забитый гвоздь. Одежда порвалась — я слышал этот треск, но у меня дома висело еще четыре куртки. Поэтому, не заботясь, я рванул дальше внутрь.

В загоне сидели семь щенков. Для них оборудовали специальные лежанки, где они могли спать, стояли миски с чистой водой и кормом. Они тут же облепили нас обоих: и меня, и папу. Двое, радостно таявя, скакали вокруг него, скребя маленькими лапками прямо по брюкам с идеально выглаженными стрелками.

— Выбирай любого, — приказал отец, присев на корточки и брезгливо погладив по шерстке одного из малышей кончиками пальцев.

Задача оказалась непростой. Их было семеро, и все они скулили от радости и жажды внимания. Я погладил каждого, чтобы никого не обидеть: мне казалось, что у собак эмоциональная сфера развита едва ли не лучше, чем у людей. Но приглянулся мне щенок, которого от меня старательно отпихивали лапами два его собрата.

Протянув руку, я ловко поднял малыша на руки. Он казался совсемдохлым по сравнению с остальными и поскуливал так жалостливо, что я сразу прижал его к себе.

— Этот.

Хозяйка нахмурилась.

— Для выставок не пойдет, — выпалил она. — Бракованный малеха, в весе не набирает. На пять тысяч дешевле.

Ценовой вопрос для отца остро не стоял, поэтому он нахмурился.

— Выбери нормального, — приказал он.

— Этот нормальный! — запротестовал я, сильнее вцепившись в поскуливающего щенка. — Ты сам сказал выбирать любого. Я выбрал.

— Любого нормального!

— Этого не было в условиях! — огрызнулся я и сделал шаг назад вместе с щенком.

Рука отца сжалась в кулак, я видел, как на его скулах заиграли желваки, а шея с плотно застегнутым на ней воротом рубашки напряглась. Но я не отступал. Женщина глядела то на меня, то на папу, и в итоге раздраженно фыркнула:

— Покупаете?

— Покупаем, — бросил отец.

Я первым выскочил из загона с щенком на руках, пока они разбирались с документами и оплатой. Щенок спокойно сидел, и я запихнул его в свою наполовину расстегнутую куртку, боясь, что на улице, вне теплого загона, малышу станет холодно. Он был мельче своих собратьев, но его шелковистая короткая шерсть все равно лоснилась, а черные глазки — бусины смотрели на меня заинтересованно. Я не сомневался, что не ошибся в выборе щенка.

Отца не было, и я двинулся к машине. Большой доберман, выскочивший на меня при входе, сидел запертым в клетке, поэтому я, спокойно открыв дверь калитки, вышел на безлюдную улицу. Папин мерседес стоял закрытым, поэтому я прислонился к капоту и снова уставился на мордашку щенка, торчащую из куртки.

«Лапочка, — подумалось мне. — Вот бы тебя так назвать. Но отец точно будет против».

Папа вышел через десять минут. Он не сказал ни слова, пока мы не отъехали от дома заводчиков. Я зажмурился, стоило отцу ко мне повернуться и поднять руку. Но он только погладил щенка по макушке и спросил:

— Как назовем? Ты даже пол не узнал. Заводчица сказала, что кобель.

«Лапочка!» — чуть не брякнул я, но вовремя сдержался.

— Мне нравится Рэй.

— Красивое имя, — согласился отец. — Звучит благородно. Ему уже три месяца, поэтому все прививки у него стоят. Можешь заниматься, только смотри, чтобы он не грыз мою мебель, Рудольф.

Я интенсивно закивал.

— Хочешь, прогуляемся с ним по парку?

— Поводка нет, — напомнил я.

Отец отрешенно пожал плечами и свернул к крупному зоомагазину, попавшемуся нам по дороге.

— Ерунду не бери, — велел он, глядя, как я разглядываю дешевые алюминиевые миски. — Нормальные, керамические, подороже. И поводок нормальный возьми, а не эту дурацкую рулетку. Ничего выбрать не можешь, Рудольф!

Приуныв, я вернул на прилавок миски, пока щенок вошкался в моей куртке. Взял, как велел отец, керамические, темно-синие, с нарисованными на них белыми косточками. Поводок я тоже взял крепкий, плотного плетения, вернув на место неприглянувшуюся отцу рулетку.

— Все выбрал?

Отец подошел неслышно, и я вздрогнул от его неожиданного появления за моей спиной. Мы купили поводок, корм премиум-класса, миски и витамины, а еще книгу по дрессировке доберманов. Щенок уснул, пока я бродил между рядами, и теперь тревожить его прогулкой не хотелось ни мне, ни отцу.

Страх не справиться с собакой был велик, но отец пообещал нанять хорошего кинолога, который будет по выходным приезжать прямо к нам. Размер нашего участка позволял хоть целую площадку для Рэя оборудовать.

— Тебе пора учиться брать ответственность, Рудольф, — пожал он плечами, заезжая в ворота дома. — Пес — отличный тренажер для этого.

«Собака — живое существо, а не тренажер», — хотел возразить я, но, как всегда, не решился.

Глава 4

— Грозовский, сколько можно витать в облаках?! — окрикнула меня Инесса Сергеевна, учительница русского языка и литературы. — Ты вообще не здесь, у тебя двойка выходит в четверти!

Я оторвал голову от парты и посмотрел на преподавательницу без интереса. Ее родинка над верхней губой и бородавка на правой щеке приковывали все внимание, отвлекали его от ярких зеленых глаз и искривленного в недовольстве рта.

— Я пропустил пару уроков, — брякнул я невпопад. — Я выучу Пушкина, сдам...

— Мы уже Лермонтова изучаем, — пожурила меня учительница. — Ты же понимаешь, что скоро конец четверти?

Я потупил взгляд. Конечно, я понимал, что в четвертном табеле у меня будет красоваться в лучшем случае тройка. Учительница литературы вечно называла меня неучем, но я привык: все-таки зубрить стихотворения было не так интересно, как запоминать сотни шахматных комбинаций и проглатывать за одну ночь «Учебник эндшпиля» Марка Дворецкого.

— Мы почти добрались до Фонвизина... — продолжала, забывшись, Инесса Сергеевна.

— Ага, до «Недоросли», — хихикнул мой сосед по парте Сережа. — Прямо про Грозовского.

— Заткнись, — прошипел я еле слышно, даже не повернувшись к нему.

— А ты знаешь, — с иронией продолжил одноклассник, — что Митрофанушка в «Недоросли» тоже был грубым и неотесанным? А еще необразованным...

Мое терпение таяло, когда я смотрел в пороссячи глазки соседа по парте, палившие на меня с насмешкой. Нас посадили вместе не случайно: у того в текущих оценках красовались одни пятерки, он читал книжку за книжкой и не уклонялся от школьной программы. Меня дома ждал недочитанный «Гарри Поттер», а вот запомнить строки великого поэта мне никак не удавалось.

— Я сейчас тебе врежу, — предупредил я.

Сережа издевательски хмыкнул.

— Тогда тебя вызовут к директору, а потом твой папа...

Не выдержав, я занес кулак и изо всех сил ударил его прямо в губы, не дав закончить фразу. Одноклассник повалился на пол, а я напрыгнул сверху, поднимая руку для новых ударов. Инесса Сергеевна закричала и отшатнулась к доске.

— Прекратите! Я позову директора!

Ее голос я слышал отдаленно, сосредоточившись на драке. Сережа вцепился мне в волосы, но я только запрокинул голову и впился пальцами прямо ему в лицо, ногтями вонзаясь в тонкую кожу щеки, словно желая ее разодрать. Он закричал, а я стиснул пальцы сильнее.

— Отпусти его! — взвизгнула Инесса Сергеевна. — Грозовский, немедленно отпусти!

Сережа ослабил хватку на моих волосах, и я тоже начал медленно разжимать пальцы. На его щеках остались полумесяцы от моих чуть отросших ногтей. На крики Инессы Сергеевны прибежал завуч, кабинет которого находился через одну дверь по коридору справа.

Он стащил меня с Сережи, вздернул за пиджак, как нашкодившего кота за шкурку. Глаза его пылали злостью, а между бровей залегла толстая глубокая морщина. От него воняло потом, и я невольно сделал шаг в сторону.

— Восьмой класс! — взревел он. — А деретесь, как в детском саду! Я сообщу классному руководителю!

У него перехватывало дыхание, и он не мог связать слова воедино.

— Она пусть звонит родителям! Обоих! К директору!

Сережа нахмурился. Подбородок у него задрожал, и Инесса Сергеевна тут же его приобняла.

— ... Ну что ты, ты не виноват... — шептала она ему на ухо, и это были те немногие слова, которые удалось разобрать.

Я молча подхватил рюкзак. Одноклассники, сбившись в кучу, смотрели затравленно и враждебно, как будто я мог кинуться на них просто так, потому что мне захотелось. Незаметно для Инессы Сергеевны я показал им средний палец и вышел из кабинета. Кожа головы еще болела от оттянутых Сережей волос, и правая скула неприятно ныла — все-таки этот уродец приложился к ней кулаком.

В кабинет директора я зашел первым, пока Сереже вытирала сопли литераторша. Раздраженно пнув стул, я плюхнулся в него, едва не отбив задницу о плотное глянцевое дерево, и скрестил руки на груди.

Мужчина нехотя оторвал взгляд от разложенных на его столе в хаотичном беспорядке бумаг и зыркнул на меня. Молчание повисло нехорошее: я точно знал, что они опять заведут речь о моем отчислении из лицея. Так было в прошлом году, когда Инесса Сергеевна выставила мне два в году по литературе. Она обозвала меня неучем в сотый раз, а я ее — козой драной. Правда, про себя, а не вслух.

Сережа зашел вместе с учительницей литературы, и она держала его за ручку, как маленького. Он зло таращился на меня, кривил свои пухлые губы, а покрасневшие пороссячьи глазки точно хотели прожечь во мне дыру. Он сел напротив. Я дернулся в его сторону, и тот, испугавшись, отшатнулся и чуть не свалился со стула. Он оказался таким уморительным увальнем, что я засмеялся.

— Грозовский, — предупредительно зашипел директор, и я замолк, но ухмыляться не перестал.

Отец ввалился в кабинет подобно грозе без штормового предупреждения, распахнув дверь и даже не постучавшись. За ним тащилась мать Сережи, и я видел ее впервые за все время обучения в лицее. Ее светлые волосы аккуратными прямыми прядями лежали на плечах, и она, едва успев зайти в кабинет, кинулась к сыночку, причитая:

— Солнышко... Да что ж это такое... Приличный лицей... Батюшки святые...

Папа же молча встал за моей спиной и стиснул плечо. Я так и не понял, поддерживающий это был жест или предупреждающий. Ухмыляться больше не хотелось, и я уставился на собственные ладошки.

— Рудольф под угрозой отчисления, — оповестил завуч, а потом внимательно посмотрел на меня. — Может, скажешь что-нибудь?

Поведя плечами, я мельком скользнул по нему взглядом.

— Я не виноват. Сережа первый начал.

— А в драку кто полез? Инесса Сергеевна сказала, что ты!

Пухлый палец завуча ткнулся почти мне в лицо, и я отшатнулся к отцу.

— Я, но он меня оскорблял. И моего отца тоже.

— Ложь! — воскликнула Инесса Сергеевна. — Мы обсуждали «Недоросль» Фонвизина, Сережа просто пошутил. Да, возможно, неудачно... Но это не повод распускать кулаки! Все можно решить словами!

Я потупился и замолчал. Директор, до этого что-то увлеченно писавший в своем ежедневнике, поднял взгляд на папу.

— Это недопустимо, Всеволод Андреевич. Мы закрываем глаза на многое, но...

— Травля в классе — именно то, на что вы закрываете глаза? — перебил его отец.
— Рудольф не в первый раз говорит, что учитель литературы относится к нему предвзято и с негативным настроем, что в классе его дразнят, а педагоги закрывают на это глаза!

Я ошалело посмотрел на отца. Директор замолчал. Завуч, тяжело дыша и постоянно утирая платком пот с сального лба, тоже заткнулся.

— Он распускает кулаки... — начала было мать Сережи. — В приличном лицее... Батюшки мои...

Мне показалось, что еще немного, и она начнет креститься. Отец даже головы в ее сторону не повернул.

— Я напишу заявление о травле, — пригрозил папа, глядя директору в глаза.

Тот опустил взгляд. Я с детства знал, что один звонок «кому надо» — и все проблемы решаются. Директор раздражающе барабанил пальцами по столу. Видать, он тоже знал об отцовских связях.

— Всеволод Андреевич...

— Мы поговорим с Рудольфом сами. Но не смей! Обижать моего ребенка я не позволю. И скажите спасибо, что я не требую для сына публичных извинений перед всем классом.

Он вышел не прощаясь. Схватив рюкзак, я посеменил за ним, еле переставляя ноги. Плечи отца подергивались, а шаги были крупными и рваными. Я не успевал за ним, и мне пришлось побежать.

Мы сели в машину. Ехали молча. Отец дергал руль в разные стороны так резко, что на поворотах приходилось держаться то за бардачок, то за потолочную ручку. Я весь съежился. Не до конца застегнутый рюкзак с учебниками упал в ноги. Никогда мы так быстро не добирались из школы домой, даже когда я раньше опаздывал на секции. Папа проносился на все желтые сигналы светофора, иногда — на красные. Его щеки горели алым, и я был рад, что не видел его взгляда.

Он бросил машину прямо у крыльца. Выходить не хотелось. Я мечтал спрятаться под сиденье и никогда оттуда не выбираться, стать прозрачным и незаметным, но под тяжелым отцовским взглядом я подобрал-таки рюкзак. Тот выскользнул из моих рук, и ручки, карандаши, тетрадки — все разлетелось прямо по асфальту возле машины.

Первое, что я почувствовал — острую, жгучую боль в щеке. Он ударил меня раскрытой ладонью, попав в уголок губы. Тонкая кожица треснула, и тут же засочилась кровь. Я болезненно застонал и присел за тетрадками, но папа опять вздернул меня на ноги.

— Паршивец... Дрянь...

Он ударил меня снова, но на этот раз по второй щеке. Голова мотнулась в сторону, и я захотел, чтобы она оторвалась и мои мучения закончились. Но природа не была ко мне милостива: рука отца опять поднялась в замахе. Раздался сильный шлепок, и я, не выдержав, завалился на колени. По щекам потекли слезы, смешиваясь с кровью.

— Почему ты постоянно меня подводишь?! — заорал он, схватив меня за рубашку.

Я только всхлипнул и безвольно опустил голову. Охранники выскочили из будки, но молча, со стороны наблюдали за нами. Один попытался дернуться ко мне, но второй придержал его и небрежно махнул рукой.

— Я не хотел... — пролепетал я.

Отец ударил еще раз, и с моих губ сорвался острый, громкий вскрик.

— Ты должен соответствовать! Своей фамилии! А ты ее только позоришь! Почему лицей во второй раз ставит вопрос о твоём отчислении?!

Слезы бежали по моим щекам нескончаемым потоком, пока отец крепко, болезненно сжимал мои плечи через ткань расстегнутого бежевого пальто.

— Не реви! Не реви, щенок, научись отвечать за свои поступки!

Мои ноги совсем подкосились и ослабели, поэтому я повис в его руках. Отец не стал меня держать — швырнул прямо на асфальт. Локоть обожгло болью, и теперь на рукаве пальто, а может даже и рубашки, точно была дырка.

Он обошел меня, захлопнув дверь пассажирского сиденья, и пнул рюкзак прямо мне под ноги. Мотор мерседеса опять зарычал. Я не успел и голову поднять, а отец уже сорвался с места, проезжая в услужливо открытые охранниками ворота.

Лицо пылало болью. Разбитые губы опухли, и я почти не мог ими шевелить. На помощь мне выскочила Ира, несмотря на приближающийся ноябрь, в одних домашних тапках и рабочей униформе. Она нежно приподняла меня за подбородок, и в глазах ее блеснули слезы.

— Солнышко... — прошептала она.

И я жалко уткнулся ей в плечо, запачкав светлый воротник платья бордовыми пятнами.

Ира помогла мне встать. Она собрала рассыпавшиеся тетрадки, бережно сложив их внутрь рюкзака, а потом, придерживая меня, повела к дому. Охранники давно скрылись в будке, а от присутствия отца остались разве что расцветающие на моем лице синяки. Ира, когда мы зашли в дом, стянула с меня пальто, которое неопытно соскользнуло на мраморный пол бесформенной тканью.

— Надо умыться, — шепнула она, придерживая меня за пояс.

Поскуливая, я направился к ванной. В зеркало смотреться не стал: хватило того, что в белоснежную керамическую раковину закапала кровь. Ира взяла чистую одноразовую

тряпочку из ящика и смочила ее прохладной водой. На тонкой безворсовой ткани после соприкосновения с моим лицом тоже остались бледно-красные разводы. Я склонился над раковиной ниже, резко выкрутив ручку крана вправо, и дождался, пока на мои пальцы побежит ледяная струя. Набрав полные ладони, я ополоснул лицо. Розовая вода потекла в слив, и я сплюнул. Во рту крови, к счастью, не было. Языком я скользнул по верхнему и нижнему ряду зубов, проверяя, все ли на месте.

По лестнице со второго этажа неуклюже бежал Рэй, радостно потягивая, но у меня не было сил склониться к нему и погладить. Тогда он начал тереться об мои ноги, не желая пропускать на кухню.

— Я найду аптечку, — негромко сказала Ира, усадив меня в гостиную.

— Ага, — шепнул я.

Рэй запрыгнул ко мне на колени, и я мягко потрепал его за ушком. Он хотел было вылизать мое лицо, но бдительная Ира, вернувшаяся с ватой и хлоргексидином, быстро приняла меры.

— Инфекция! — воскликнула она, спихивая щенка с моих колен.

— Поласковее, — нахмурился я. — Он же просто маленький и радуется.

Хлоргексидин почти не щипал, больно было от прикосновений. Я то и дело судорожно втягивал в себя воздух сквозь зубы, тихо шипел и все время пытался увильнуть от Ириной руки. Она кружила возле меня, не позволяя вывернуться, и требовательно просила посидеть ровно, ведь я уже не маленький, по ее словам. Не действовало — я крутился и хныкал от боли в разбитом лице.

— Тебе надо лечь, — наконец, убрав вату и хлоргексидин подальше, вздохнула Ира.
— Вдруг сотрясение?

— Меня не тошнит, — пожал я плечами. — Голова не кружится. Других симптомов тоже нет.

— Все лицо в синяках будет...

— Зато в школу не пойду, — внезапно нашел плюс я. — Мне совсем не хочется туда ходить.

Простынь подо мной опять взмокла от пота, пока я ворочался, пытаюсь уснуть. Лицо все еще ныло, и спать на боку, уткнувшись разбитой скулой в подушку, было больно. Все тело горело, и прохлада не шла даже от открытого на проветривание окна. Комната давно погрузилась во мрак. Я не спускался к ужину и отца не видел с обеда — он не заходил ко мне в комнату, а я не рвался из нее выбираться. Забытый «Гарри Поттер» валялся у тумбочки.

Единственным, кому безмятежно спалось ночью, был Рэй. Он свернулся клубком в моих ногах, прямо на одеяле, и чуть похрапывал во сне. Дотянувшись, я коснулся кончиками пальцев его шерстки, погладив, и щенок встрепенулся, доверительно подставляя макушку под мою руку.

Желудок заурчал, неприятно стянутый голодом, и я с трудом спустил ноги с кровати, засунув их в мягкие уютные тапки.

— Пойдем, — шепнул я Рэю. — Порежу тебе колбаски.

Пока отец и Ира спали, можно было угостить Рэя чем-нибудь очень вкусным — обычно он питался только сухим кормом. Не знаю, понял ли щенок слово «колбаска», но уж очень радостно он соскочил с кровати и ринулся к двери. Я, шаркая ногами, пошел за ним.

Наши с отцом спальни располагались недалеко друг от друга, через дверь, ведущую в ванную комнату. Обычно я слышал, когда отец возвращался, а он контролировал мой режим.

Его комната оказалась приоткрыта, хотя обычно папа плотно захлопывал дверь, иногда даже запирал ее на щеколду, особенно по вечерам, будучи уставшим после работы. Из спальни доносился его тихий, но рассерженный голос.

— Я все для него делаю, все! — агрессивным шепотом говорил он кому-то. — Но сегодня опять сорвался...

Я прислушался. Рэй тоже замер у моих ног, выжидающе подняв голову. Сделав несколько аккуратных шагов, я замер у отцовской двери.

— Рудольф все время меня выводит! Почему он не может быть просто нормальным, обычным ребенком?!

— Он и так ведет себя как обычный ребенок, Всеволод... — отвечал ему женский преломленный сотовой связью голос.

С опаской я заглянул в тоненькую щелку между дверью и косяком. Папа сидел на кровати еще в костюме, и телефон его валялся рядом со включенным на громкую связь динамиком. Отсюда было видно, как у него тряслись руки, а правый глаз слабо подергивался.

— Нет, он ведет себя отвратительно! Он ужасно учится, дерется, дерзит!

— У него переходный возраст... — мягко настаивала женщина.

— Я опять не сдержался! Я же не хотел, не хотел его и пальцем трогать! Но он вывел! Он сам виноват!

Перестав дышать, я вслушивался в каждое отцовское слово и никак не мог понять, с кем он говорит. Его собеседница молчала. Рэй тихонько поскуливал и мог выдать наше присутствие здесь, поэтому я еле слышно шикнул на него.

— Может, с ним стоило поговорить? — наконец опять раздался женский голос. — Что вы чувствуете, Всеволод?

Теперь замолчал отец.

— Вину, — помедлив, выдавил он. — Не могу на него смотреть. Я опять сорвался и не знаю, как это исправить.

Папа шумно выдохнул и откинулся на кровать прямо в уличном костюме после работы. Он положил телефон себе на грудь, чтобы лучше слышать собеседника. Чудом он до сих пор меня не заметил. Рэй гавкнул, и я отшатнулся в сторону.

Теперь мы точно привлекли внимание. Окончание разговора я уже не уловил, потому что рванул к лестнице, боясь быть застуканным за подслушиванием. Собака ломанулась за мной. Дверь отцовской спальни скрипнула, открываясь, и он показался на пороге. Я виновато посмотрел на него, но папа скользнул по мне отрешенным, невидящим взглядом.

— Ты почему не спишь?

— Я не ужинал, и теперь хочу есть, — брякнул я первое, что пришло в голову.

— В холодильнике, кажется, еще осталось рагу с курицей, — отстраненно произнес отец. — Разбудить Иру, чтобы она подогрела?

— Пусть спит, я сам!

Кивнув отцу, я направился по лестнице на первый этаж. Щенок давно ждал меня внизу, неслышно сбегав по ступенькам. Я почти преодолел половину спуска, как услышал отцовский оклик.

— Рудя, — позвал он.

Я удивился: обычно папа называл меня только Рудольфом и никак иначе.

— Да?

— Ты едешь в Будапешт через неделю на международный турнир. Хочешь, купим тебе новую шахматную доску?

Ознакомительный отрывок романа “Ход до цугцванга”, 2024

Саша Мельцер.